

оценивают свои шансы на удовлетворение собственных высоких социальных притязаний, что способствует выполнению средним классом своей стабилизирующей функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оберемко О.А. Популярность социально-структурной идентификации: ресурс или компенсация? // Социология: Теория, методы, маркетинг. Киев, 2006, №4.
2. Данилова Е.Н. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ (под редакцией В.А. Ядова). М., 2004; Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных динамичных обществ // Социологические исследования. 2004, №4. С. 23–27.
3. Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004. С. 79–80.

On the basis of results of the research project "Urban middle class in modern Russia" the authors analyze the process of self identification of various layers of the middle class.

С.А. Черняховский ЗАБЫТОЕ РАСПУТЬЕ: ОЦЕНКИ И МАНИПУЛЯЦИИ

Редакция решила опубликовать статью профессора Сергея Черняховского (в августе 2007 г. уже обнародованную им в русской части Интернета), затрагивающую важную тему методологии постановки вопросов в опросах общественного мнения. Многие социологи и политологи полагают, что нередко формулировка вопросов в анкетах, особенно по политической тематике, подводит, подталкивает отвечающих к определенным ответам, что создает искаженное представление об истинных политических взглядах населения. В данном случае автор статьи выбрал в качестве предмета для анализа вопросы анкет Левада-центра. Однако аналогичные упреки периодически адресуются и другим социологическим центрам, в частности, ВЦИОМ. Поэтому мы считаем, что дискуссия на данную тему, особенно в разгар политической жизни в стране, была бы весьма полезна для повышения объективности политической социологии, опросов общественного мнения.

В качестве вклада в эту дискуссию редакция предлагает комментарий на статью С. Черняховского директора ВЦИОМ по международным исследованиям профессора Н.П. Попова.

Последняя, некруглая, шестнадцатая годовщина событий августа 1991 г. прошла незаметно, особенно на фоне прошлогоднего пятнадцатилетия, когда ведущие СМИ уделили ему много внимания. При этом акцент в основном делался на негативное освещение действий союзного руководства, а также умеренно позитивное оправдание действий Б. Ельцина и его окружения.

Сейчас представить себе, что ведущие СМИ о чем-то пишут или не пишут "просто так", а не потому, что получили на это твердую установку от власти, — значит проявить легкомыслие. Очевидно, что на сегодня это и есть установка нынешней власти.

Почему год назад власть считала нужным оправдывать августовский переворот Бориса Ельцина, а сегодня утратила интерес к этой теме — можно объяснить по-разному.

Год назад, по данным социологов, общественное мнение скорее было расположено в пользу ГКЧП, нежели Ельцина, — а власть через телеканалы артикулировала скорее поддержку "первого Президента России".

В этом году власть эту тему как бы закрыла, **но общественное мнение качнулось скорее в пользу Ельцина, нежели ГКЧП.**

Не исключено, что тема ГКЧП была закрыта в связи с уходом лидера государственного переворота августа 1991 г. Отношение власти к Борису Ельцину все последние семь лет было двойственным: бывшему правителю оказывали знаки внимания, одновременно убирая из политической жизни значительную часть всего, что было связано с его деятельностью.

Отдав дань уважения ему на прошлогоднем кремлевском юбилее, т.е. на 15-летию захвата им государственной власти и на похоронах, и одновременно почувствовав явную негативную реакцию на это общества, — власть решила закрыть эту тему, сочтя, что почестей этой сакраментальной фигуре оказано достаточно.

Демонстрация почтения, проявленная к Ельцину нынешней властью, СМИ и сверхпопулярным президентом, привела и к обратной реакции — некоторому колебанию общественных настроений в пользу бывшего правителя. К колебаниям, в целом небольшим и не меняющим общей картины, но все же реальным.

По данным последнего опроса Левада-центра (17.08.2007, "Путч" 1991 года), эти колебания вполне наблюдаемы. Так, минимум по двум показателям позиции ГКЧП заметно упали в общественном мнении. На вопрос: *"На чьей стороне тогда были ваши симпатии?"* — ответ: *"На стороне ГКЧП"* дали в полтора раза меньше опрошиваемых. В 2006 г. их было 12%, в нынешнем — 8%. Аналогично на вопрос: *"Как вы сейчас думаете, кто был прав в те дни?"* — ответ: *"ГКЧП"* также дали 8% вместо 13% в 2006 г. Однако по первому вопросу ответ: *"На стороне противников ГКЧП"* дал 21% вместо 22% в прошлом году, хотя на второй вопрос ответили о правоте *"Ельцина и демократов"* 17% вместо 12% в прошлом году.

Можно предположить, что это некий результат двух пропагандистских кампаний — августа 2006 и апреля 2007 г., в ходе которых активно артикулировались положительные оценки Б. Ельцина.

Вместе с тем обратим внимание еще на два важных момента.

Первый — то, как выглядят эти цифры, скажем, на фоне ответов начала нынешнего правления. В 2001 г. своих симпатиях ГКЧП во время тех событий заявляли 14%, а о симпатиях к их противникам — 28%. То есть **сегодня можно наблюдать примерно равное падение симпатий к обеим сторонам.**

Схожая картина и в вопросе определения правоты той или иной из сторон. О правоте ГКЧП в 2001 году говорили 14%, а о правоте Ельцина — 24%. Таким образом, здесь тоже видно обоюдное падение положительных оценок.

Соответственно, растет число тех, кто не берется однозначно определить свою позицию.

Из этого вытекает и второй интересный момент: во всех случаях сумма тех, кто четко определяет свою позицию по данному вопросу, ограничена примерно четвертью от всех опрошенных. Остальные с теми или иными формулировками ("Не успел разобратся в ситуации", "Ни те ни другие", "Был еще ребенком") от определения своей позиции воздерживаются.

Чем больше проходит времени, тем выше неопределенность отношения людей к событиям августа 1991-го. Эти оценки массового сознания, т.е. оценки тех, у кого явно не хватает информации для выработки определенного мнения, совпадают с суждениями в кругу политической элиты, т.е. тех, у кого этой информации значительно больше. Последние оценки можно выразить следующей формулой: *"Чем дальше, тем больше узнаю и тем меньше понимаю, что же происходило на самом деле"*.

В целом, очевидно, что в меньшинстве в обществе находятся сегодня и находились в 1991 г. как симпатизанты ГКЧП, так и симпатизанты Ельцина.

В том, что обществу не удастся прийти к выработке более определенной позиции, можно увидеть несколько причин.

С одной стороны, **симпатизировать Ельцину сложно**. Ему достаточно сложно было симпатизировать и в 1991 г., особенно если вспомнить, что на президентских выборах он и тогда получил в целом меньшинство голосов — 42% от всех избирателей. Большинством это меньшинство стало лишь за отсутствием явной и убедительной альтернативы. Иначе говоря, **Ельцин всегда был президентом меньшинства**, навязавшим свою волю и остальному большинству, и этому же меньшинству, большая часть которого, поддерживая Ельцина, вовсе не имела в виду, всего того, что он осуществил со страной в последующем.

Симпатизировать ГКЧП — тоже предельно сложно. Дело даже не в том, что это означает симпатизировать проигравшим, — в России любят проявлять "милость к падшим". Но в России могут проявлять милость в павшим борцам, т.е. к тем, кто с честью боролся и проиграл.

ГКЧП вело себя предельно невнятно. В его действиях не было логики. Не было логики ни идеологической — за что же все-таки они выступали? — ни политической, простой логики борьбы за власть. В этом отношении, перефразируя известное высказывание, можно было бы сказать: *"Тот, кто не симпатизирует намерениям ГКЧП, — не имеет сердца. Тот, кто симпатизирует их действиям, — не имеет головы"*.

В известном смысле симпатизировать ГКЧП — значит симпатизировать безволию. Симпатизировать нерешительности, возведенной в принцип. Симпатизировать организационной импотенции.

С другой стороны, вся официальная пропаганда прошедших лет, если и не всегда была благосклонна к организаторам ельцинского мятежа, то уж никогда не была благосклонна к ГКЧП. Слово "путч" упорно транслируется во всех официальных упоминаниях о тех событиях, именно этим словом характеризуются они даже в школьных учебниках. Кто же будет симпатизировать путчу? Термин сам определяет отношение. Как человек должен определять его, если ему в той или иной жизненной ситуации предлагается явно или неявно определиться примерно по такой альтернативе: *"Ты за путчистов или за организовавших сопротивление им демократов?"*

И здесь еще одна, третья составная доминирования неопределенностей в отношениях общества и в ответах опрашиваемых: **программирование ответа самими формулировками вопросов**.

В приведенном опросе Левада-центра (а профессионализм специалистов этого центра подвергать сомнению нелепо) перечень вопросов начинается с естественной, казалось бы, формулировки: *"Как вы сейчас оцениваете события августа 1991 года?"*

Все корректно. Ни слова про "путч". Но вот формулировки ответов: — победа демократической революции, покончившей с властью КПСС;

- трагические события, имевшие гибельные последствия для страны и народа;
- просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны;
- затруднились ответить.

Во-первых, некорректен уже первый вариант ответа. На что отвечать? Считает респондент это демократической революцией или свержением КПСС? Отрицать, что это событие (т.е. поражение ГКЧП) обернулось свержением власти КПСС, — бессмысленно. Что тут считать? Это исторический факт, это не оценка.

А вот считать ли "свержение КПСС" "демократической революцией" — вопрос. Кто-то полагает, что "да". А кто-то — что это была буржуазная контрреволюция, действительно свергшая КПСС, которая осуществляла истинно народную и демократическую власть.

И что этот "кто-то" должен отвечать? Ему ведь вариант ответа не предлагается. Ему предлагается сказать, что либо это были трагические события, имевшие гибельные последствия, либо — вообще не значащий эпизод борьбы за власть.

Левада-центр, при всем своем исключительном профессионализме и безупречной академической репутации, — объединяет в основном профессионалов, тяготеющих к известной политической тенденции, той, которую в публицистике не очень точно принято называть "либеральной". И в каких-то вопросах — и очень многих — профессионализм превалирует у них над идеологическими пристрастиями. Но в каких-то — оказывается слабее.

Ну, ломает их от варианта даже предложить респонденту ответ, что в августе 1991 г. группа мятежников во главе с Ельциным организовала вооруженное противодействие попыткам руководства СССР предупредить грозившую обществу катастрофу, свергла законную власть и ускорила наступление данной катастрофы.

В данном случае речь не идет о том, чтобы навязать эту оценку, — речь о том, чтобы выявить, какой процент граждан так или примерно так думает.

Если бы в данном вопросе у социологов Левада-центра одерживал верх профессионализм, они бы такой (или похожий) вариант, несомненно, предложили. Но для них даже слова такие выговорить — это с одной стороны, поставить под сомнение собственный символ веры, а с другой — пережить ужас от того, что вдруг так и ответят. Потому что социологи они первоклассные и в глубине души знают, что если сформулируют варианты ответов честно, то ведь что-нибудь такое и получат.

Предложив своим респондентам подобный вариант, они тем самым допустили бы в обществе обсуждение: а вдруг именно он и правилен. А это сомнение шаг за шагом будет разрушать навязываемый миф о "*злодеях-гэкачепистах*" и "*благородных борцах за свободу и демократию*".

Но самое интересное, что этот миф и так рухнет. Даже при ежегодно воспроизводимой некорректности формулировок готовые верить в предание о "*демократической революции 1991 г.*" постоянно оказываются в абсолютном и мизерном меньшинстве. В нынешнем, 2007 г., таких нашлось всего 10%. Тех, кто оценивает эти события как трагические, — 24%. Тех, кто видит в них незначительный эпизод борьбы за власть, — 48%. Остальные не могут определиться.

Для начала стоит отметить, что наибольшее число верящих в сказание о "демократической революции" пришлось на прошлый год, когда их было целых 13%. До этого — меньше, и после этого — меньше.

Но и со вторым вариантом ответа не все корректно (читай — честно, чисто). Что предлагается оценить как трагические события? Действия руководства СССР или действия сторонников Ельцина по свержению этого руководства? Что

имело гибельные последствия — первое или второе? Респондент не знает, на что ему отвечать. Поскольку он в своем уме, отвечать на первый вопрос, что это "демократическая революция", он не может. С таким же успехом можно было бы ответить что это "вторжение марсиан", "провокация сионистов", "происки мирового империализма" и т.д.

Ответить, что это, например, буржуазная контрреволюция (или что-то подобное, идеологически менее ярко артикулированное), он не может, поскольку такого варианта не предлагается. Ответить, что это трагические события? Что именно? Тоже не получается, не понятно, про что отвечать. И наш респондент все чаще отвечает *"незначительный эпизод борьбы за власть"*. Что означает *"отстаньте от меня"*. Графа "против всех" в иной транскрипции. Таких сегодня оказалось 48% — наибольший показатель с 1996 г.

Хотя этот ответ уж точно не соответствует элементарному здравому смыслу: чего уж тут *незначительного*, если власть переменялась и страна в итоге была разделена? Да еще и все это было дополнено экономической катастрофой?

И поэтому сами же респонденты на вопрос **"Как вам кажется, начиная с этого момента страна пошла в правильном или в неправильном направлении?"** — отвечают "в правильном" — 28%, "в неправильном" — 37%.

Можно отметить, что хотя за приведенные в пресс-выпуске Левада-центра годы эти данные заметно колебались — и по мере внешней стабилизации экономической ситуации число отвечающих о "неправильном пути" снижается, — никогда тех, кто положительно оценил бы поворот 1991 г., так и не было больше тех, кто оценил бы его отрицательно.

Кстати, и вопрос социологов о причинах печальных последствий пройденного пути дает вполне негативную оценку "победителей" 1991 г.: что виной всему некомпетентность Ельцина и его соратников, полагают тоже 37% (наибольшее число) опрошенных. Вину Горбачева в этом видят еще 22%. А вот ослабление страны 70-летним правлением коммунистов называли лишь 5% (в прошлом было 8%).

Таким образом, ответственность на "сладкую парочку" Горбачев–Ельцин возлагают 59% опрошенных, а на коммунистов — в 12 раз меньше.

Чтобы как-то компенсировать этот абсолютно "антидемократический" вывод населения, социологи вводят еще один вариант ответа — *"алчность советской номенклатуры, стремившейся прикарманить богатства России"*. Обратите внимание: не "алчность олигархов", не "алчность "новых русских", не "алчность буржуазии", иными словами, не алчность всех тех, кто на деле грабил страну, а "алчность номенклатуры". Не Ельцин и предприниматели, не "новая демократическая реальность", а те самые, из "старого мира". И не просто "номенклатура", а именно "советская". И не "богатства страны", а "богатства России".

Требуется, чтобы человек, поддавшийся естественной неприязни к "номенклатуре", дал нужный вариант ответа: "виновны советские, грабившие россияне". И даже вариант "виноват Ельцин и его окружение" дан в смягченной форме "некомпетентность" не авантюризм, не "злой умысел", не "принципиальная порочность избранного курса", а всего лишь некомпетентность. То есть чтобы даже тот, кто считает виновным Ельцина, считал его виновным не в свержении законной власти и навязывании стране принципиально порочного пути развития, а всего лишь в том, что не хватило компетенции. А курс-то был в целом правильным.

Те же, кто возложит вину на Горбачева, вину его должны увидеть не в навязывании неверного пути, не в разрушении страны, не в политических и экономических авантюрах, а всего лишь в недалекости.

Опять же речь идет не о том, в чем действительно была причина всех лишений и несчастий, постигших страну. Но о том, что некоторые, наиболее неприятные для своих идеологических пристрастий варианты ответа социологи исключают, некоторые — смягчают, а некоторые усиливают.

И, надо сказать, в итоге мало что получается.

"Демократической революцией" август 1991 г. считают 10%. 70-летнее правление коммунистов винят лишь 5%. Даже лукавый вопрос про алчную советскую номенклатуру набирает лишь 20%.

А Горбачев с Ельциным — все равно впереди с 59% возлагающих вину исключительно на них.

The article deals with the problem of question wording in opinion polls, concentrating on slanted questions, that influence opinions and not only measure them. The author believes that questions on the August 1991 putch are examples of such approach.

Н.П. Попов КАК СПРОСИТЬ ПРО ПУТЧ

Статья С. Черняховского затрагивает целый ряд проблем — оценку событий августа 1991 г., "закончившихся захватом власти в стране Ельциным и его окружением", интерпретацию тех событий нынешней властью и официальными СМИ и отношение к событиям шестнадцатилетней давности общественного мнения сегодня. Оставляя в стороне политические оценки автора "событий августа 1991 года", данная заметка рассматривает критику автора постановки вопросов в прошлых и нынешних опросах по поводу августа 1991 г.

Прежде всего автор отмечает, что из года в год снижаются как симпатии, так и антипатии к обеим сторонам конфликта: если в 2001 г., по приводимым данным Левада-центра, 14% говорили, что они были "тогда" на стороне ГКЧП, то сейчас таких лишь 8%; в 2001 г. вспомнили, что "тогда" они были "за Ельцина" 28%, сегодня — 21%. В сумме "тех, кто четко определяет свою позицию по данному вопросу" лишь около четверти. Отталкиваясь от этого печального факта, автор анализирует причины того, почему в обществе не удается выработать определенную позицию по тем, столь важным для страны событиям.

По его мнению, снижение симпатий как к ГКЧП, так и к сторонникам Ельцина вызвано непониманием того, за что, собственно, боролись те и другие, тем, что официальная пропаганда и политики не дали внятного объяснения тем событиям, не подсказали, кто же тогда был за демократию, за сохранение страны. И в немаловажной степени к непониманию населением тех событий приводят тенденциозно поставленные вопросы.

Здесь следует отметить прежде всего, что за последнее десятилетие происходит неуклонная деполитизация массового сознания, снижение интереса к политике и намерения как-то участвовать в политической жизни, в частности, в голосовании на выборах. Народу неинтересны нынешние политические события — почему меняют премьеров и губернаторов или какая партия победит на выборах в Думу, а уж тем более неинтересны события политического прошлого — что августа 1991 г., что октября 2003 г. или вообще октября 1917 г. В условиях растущего политического отчуждения населения люди не видят связи политики, кото-